

Актеры сельского автономного семейного хозяйствования: смыслы и результаты

**Петр Панфилович
ВЕЛИКИЙ**

Институт аграрных проблем РАН
Саратов, Российская Федерация
e-mail: Velik69@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5104-2153; ResearcherID: AAP-8978-2021

**Наталья Михайловна
ВЕЛИКАЯ**

Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН
Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Российская Федерация
e-mail: natalivelikaya@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5532-844X; ResearcherID: A-9577-2017

Аннотация. В статье рассматриваются основные области жизни самозанятых в сельском хозяйстве с позиции смыслов жизни, определяемых как цели – принципы жизнедеятельности. К самозанятым авторы относят тех глав хозяйств, которые, пройдя первоначальную адаптацию и опираясь на свой человеческий потенциал, используют резервы новых форм хозяйствования в локальной среде, частично или полностью прекратив трудовые отношения с сельскохозяйственным предприятием. Не имея пахотной земли, они не обладают статусом фермеров, тем не менее живут и действуют по схожей с ними технологии. По уровню материального благосостояния они превосходят односельчан, ограничивающихся работой на сельскохозяйственном предприятии. Оказавшись в условиях свободного выбора занятости, эти актеры придерживаются

Для цитирования: Великий П.П., Великая Н.М. Актеры сельского автономного семейного хозяйствования: смыслы и результаты // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 4. С. 201–215. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.12

For citation: Velikii P.P., Velikaya N.M. Actors of rural autonomous household: meanings and results. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 4. pp. 201–215. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.12

определенных установок и ориентиров, соотносясь (с разной степенью полноты) с нормами и требованиями окружающих их институтов. Описаны проблемы, возникающие у семей, образ жизни которых обусловлен объектами их подворья – растительным и животным миром. На основе проведенных исследований определяются контуры креативности акторов самозанятости и ограничения возможностей реализации смыслов домашнего хозяйствования, что объясняется нарушением сопряженностей во взаимодействии с крупными сельскохозяйственными образованиями, разрушением связей и отношений в производстве и реализации продукции. Выявлено, что в зависимости от изменений в судьбах семей, с трансформацией таких показателей, как возраст, здоровье, достижение конечных целей (например, завершение образования детей в вузах или, наоборот, их возвращение в село), постоянно происходит пересечение главой и членами семьи формальных и сущностных границ предустановленного статуса, масштабов активности и в целом освоенного и не освоенного ими пространства. Изучение социального опыта автономного семейного хозяйствования способствует более глубокому комплексному осмыслению развертывания модернизации в деревне в контексте сопряженности инновационных и традиционных тенденций.

Ключевые слова: деревня, фермерство, семейное подворье, самозанятость, смыслы, жизненный мир, сельскохозяйственные предприятия, престиж, статус, социокультурные практики, индикаторы успешности.

Введение

Деревня (сельский «мир») по отношению к обществу традиционно наделяется значимыми функциями общего и специфического смыслов. Среди общих функций следует назвать воспроизводство населения, причем не только аграрного, сохранение элементов традиционной культуры. К специфической функции относится производство основных видов сельскохозяйственной продукции на уровне, достаточном для самообеспечения страны. Именно они лежат в основе исторической жизнеспособности российского общества. В связи с этим можно согласиться с мнением коллег о том, что компоненты жизнеспособности современной отечественной деревни истощены, деформированы и перестают играть существенную роль в составлении субъектности сельского социума как самостоятельной организующей силы российского общества [1].

Причины эрозии смыслов жизнедеятельности сельского мира лежат в нескольких плоскостях. Нельзя не учитывать тот факт, что мир вошел в период динамики ускоренных изменений во всех областях жизни: экономике, политике, научно-естественной области, культуре. Главной его чертой становится неопределенность настоящего и будущего, обусловленная глобализационными процессами [2; 3], что сопровождается кризисными явлениями в сельском социуме в разных странах.

Многие западные исследователи уже не связывают перспективы жизни людей сельской местности с преимущественно аграрной занятостью, а сохранение человеческого потенциала ставят в зависимость от размещения за пределами городов объектов трудовой занятости, не имеющих отношения к сельскому хозяйству [4; 5]. Обсуждая соединение инновационных и традиционных смыслов акторов сельскохозяйственного производства, ряд зарубежных авторов считает, что для оптимизации этого процесса нужно опираться на внутренние ресурсы – человеческие, культурные, природные [6]. Другие исследователи настаивают на целесообразности комбинирования эндогенных и экзогенных воздействий: внешней торговли и инвестиций, государственной помощи [7].

В России преобразования сельского хозяйства последних лет, инициированные государством и основанные на философии либерализма, резко изменили социально-экономические позиции жителей села экономически активного возраста, что сопровождалось переходом к прекарным формам занятости [8] и самозанятости, реализуемой в разных форматах. Это затрудняет определение границ различных социальных групп на селе, в связи с чем мы разделяем позицию О.И. Шкаратана и Г.П. Ястребова, призывающих выделять социальные группы не на основе формальных номинальных признаков,

а исходя из реальных элементов социальной структуры, позволяющих выявить основу «однородных социальных групп, состоящих из людей с более или менее близкими характеристиками» [9].

В ходе проводимых аграрных реформ работающие на селе люди стали либо рядовыми акционерами в ООО, либо наемными работниками, ничего не решающими ни в выборе технологий, ни в распределении дохода, ни в управлении. Главными фигурантами хозяйствования оказались руководители агрохолдингов, крупные фермеры, агробизнес, а не рабочий коллектив. Рыночный порядок в АПК вывел за рамки почти все нематериальные ресурсы сплочения трудовых коллективов. В силу ограничений концептуализации аграрной реформы возникли разного рода «ловушки», которые активизировали реанимацию семейного хозяйствования (ЛПХ) как самонастраивающегося механизма выживания. Возникла группа сельских семей, сориентированных на ЛПХ, свое подворье. Ее доля в разных регионах составляет 10% от членов сельских сообществ [10, с. 172–173].

При этом надежды на фермерство как главный ресурс сельскохозяйственного производства не оправдались [11]. Более того, новый этап раскрестьянивания в начале XXI века, проходивший по неоллиберальным идеологическим лекалам, привел к существенному росту количества многоземельных хозяйств. Как считают исследователи, «связано это с коррупционным характером реализации «Приоритетного национального проекта АПК», на осуществление которого было израсходовано несколько сот миллиардов рублей» [12, с. 32], в результате чего осуществилась частная капитализация определенных групп – приближенных к начальству, бюрократов, посредников.

В таких условиях реакция на эти процессы сельских жителей экономически активного возраста идет по нескольким направлениям. Одно из них – маятниковая трудовая миграция на предприятия городов и пригородов; другое направление реализуется на отдаленных объектах (столицы, Крайний Север, Восточная и Западная Сибирь), куда сельские мужчины выезжают на длительное время. Третье направление – занятость на своем подворье и, в случае вакансии на местном предприятии, совмещение работ в нем и семейном хозяйстве. Его мы планируем

проанализировать в рамках статьи, цель которой – рассмотреть специфику организации труда и жизни самозанятых на селе в контексте изменения условий хозяйствования.

Объектом изучения в данном случае являются акторы самозанятости, понимаемые как индивиды (семьи), которые самостоятельно хозяйствуют и почти целиком за счет получаемых ресурсов обеспечивают достаточно высокий, по крайней мере в сравнении со среднестатистическим наемным работником АПК в организациях корпоративно-долевого уклада или у крупного фермера, доход. Т. е. мы исключаем официальное название самозанятые, широко используемое в современной литературе [13] и введенное для ряда городских работников в чисто фискальных целях.

Для определения образа избранной для изучения группы в социоструктурном разрезе необходимо разграничить ее с другими группами, хозяйствующими самостоятельно. Акторы семейного хозяйствования товарного типа наиболее схожи с мелкими фермерами, которые в своей повседневности выполняют почти тот же перечень работ, что и хозяева ЛПХ, только в большем масштабе. Сложнее их отделить от самозанятых, манифестация статуса которых проведена государством в 2018 году. Принятый Федеральный закон о самозанятости¹ вызвал много вопросов у хозяев сельских подворий. Дело в том, что все каналы, используемые сельской семьей для получения дохода, помимо труда в сельскохозяйственных организациях, неустойчивы и ненадежны во временном измерении. Занимаясь пчеловодством, собирая дикоросы или выращивая скот мясных пород на продажу, никто не может быть уверен, что каждый репродукционный круг (года, сезона или месяца) будет идентичен предыдущему. Но самый сильный аргумент против причисления акторов сельского семейного хозяйствования к самозанятым заключается в следующем: самозанятые – это индивиды, выполняющие работы или оказывающие

¹ О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан): Федер. закон от 27.11.2018 г. № 422-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru/search/index.html> (дата обращения 11.11.2018).

услуги посредством применения своих навыков и умений в результате непосредственного договора с заказчиком.

Таким образом, акторы самостоятельного хозяйствования на селе действуют вне договора с заказчиком, формально и фактически отличаются независимостью и автономностью своего статуса от тех индивидов, которых государство ввело в этот статус в целях наполнения бюджета за счет налогообложения. Самостоятельно хозяйствующие сельские семьи отличаются от городских самозанятых по тесноте включенности в социальную среду, коллективы и сообщества. Их независимость проявляется в процессах обмена благами с внешними контрагентами. Если в колхозной реальности хозяин ЛПХ мог купить («выписать») нужный ему продукт только в своем колхозе, то сейчас он может выбрать его среди многих продавцов.

В связи с вышесказанным полагаем, что автономность — понятие, охватывающее смысловую специфику акторов аграрной самозанятости, и оно должно присутствовать в качестве ключевого термина в названии группы — это акторы автономной группы семейного хозяйствования.

Методы исследования

В ходе исследования (2018–2020 гг.) в зависимости от поставленных задач применялись разные методы, в т. ч. интервьюирование, наблюдение, анкетный опрос, а также экспертное интервью, результаты которого были использованы для проверки надежности информации, полученной с помощью других методов, в целях уточнения оснований классификации и типологий.

Выделение в качестве ключевых понятий исследования смыслов и результатов деятельности обуславливает методику конструирования выборки, получения и использования показателей и индикаторов. Хотя группа, успешно хозяйствующая на своем подворье, невелика и к ней нужно подходить как к целевой, она находится внутри сельских сообществ, и только сравнение с остальными позволяет оценивать ее реальные успехи. Отсюда следует первое условие: инструментарий получения информации (по крайней мере, на первоначальном этапе) должен быть однотипным, стандартным для обеих групп. Другой методической задачей

явился поиск некоего оптимума в соотношении измерения объективных и субъективных предпосылок градации внутри группы успешных акторов. На первом (начальном) этапе исследования акцент сделан на материальные предпосылки успешности, которые экспертами были оценены как решающие. Нас при этом интересовали образ жизни и смыслы жизнедеятельности схожих групп именно по самостоятельному семейному хозяйствованию, что позволяет включить в выборку и малоземельного (безземельного) фермера, и главу хорошего товарного семейного хозяйства.

Варьирующим признаком распределения семейных хозяйств на успешные и обычные стало наличие в семейном хозяйстве свыше трех коров или 10 овец/коз, четырех и более свиней или 20 кроликов, земельного участка больше 30 соток или за селом более 15.

В перспективе было бы полезно для анализа иметь карту сгущения или разреженности избранной группы успешных по зонам региона. Однако в нашем исследовании такая задача не ставилась: для начала нужно было выявить основные признаки, характеризующие специфику хозяйственной самозанятости. Для решения этой задачи достаточно опроса целевой группы и ее односельчан в сельских сообществах конкретных деревень. Территориальный аспект учтен лишь в близости/удаленности мест опроса от городских поселений, которые широко используются как один из каналов зарабатывания ресурсов жизнедеятельности.

С учетом сказанного для опроса отобрано 97 сел в Саратовской области и Республике Татарстан. Выборка квотно-гнездовая, репрезентативная по половозрастной структуре жителей (от 18 до 70 лет) средних и крупных сел, с учетом зоны проживания и удаленности от областного центра — ближняя, средняя и дальняя периферия. Исследовательская группа общалась с 367 респондентами из Саратовской области (190 глав домохозяйств из 52 сел, расположенных в 21 районе) и Татарстана (112 домохозяйств из 45 сел, расположенных в 9 районах).

Для выявления роли фактора территориальной близости села к городу проведено интервьюирование 42 человек из 33 сел, расположенных в четырех районах Московской области, и 23 человек в Омской области.

Первый этап исследования, завершившийся обработкой всего массива опрошенных, показал существенные различия между акторами, успешно хозяйствующими самостоятельно, и теми, кто больше сосредоточен на занятости в организациях формальных укладов АПК.

На втором этапе из числа опрошенных было выделено по 20 глав семейных хозяйств из каждого региона для углубленного интервьюирования (Московская, Омская и Саратовская области).

Трансформация аграрного сектора как фактор прекаризации труда

В настоящее время в системе АПК, включающей сельское, лесное хозяйство и охоту, работает порядка 5075 тыс. человек². При этом существует определенный разрыв между потребностью в занятости и предложением мест приложения труда.

В процессе постсоветских трансформаций в системе АПК можно выделить следующие группы акторов сельского хозяйствования:

- фермеры разного масштаба (крупные, средние, мелкие), наиболее активная часть сельского аграрного социума;
- успешные хозяева сельских подворий, по социальному статусу и масштабам хозяйствования не отличающиеся от мелких фермеров;
- рядовые акционеры и наемные работники коллективно-долевых укладов, исполнители технологических процессов, жестко ограниченные в проявлении инициатив;
- неустроенные группы, находящиеся вне трудовых коллективов и не имеющие устойчивого канала поступления ресурсов выживания;
- пенсионеры по старости, получающие финансовые ресурсы от государства в размере, близком к МРОТ, который по меркам сельских сообществ достаточен для нормальной жизни;
- в качестве группы наибольшей депривации выступает сельская молодежь, встраивание которой в среду села (прежде всего производство) сегодня и в перспективе не имеет объективных предпосылок.

² Среднегодовая численность занятых по видам экономической деятельности в 2017 г. // Российский статистический ежегодник. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 113.

При высоком уровне безработицы на селе значительная доля жителей не склонна к поиску работы. Причина этого лежит не только в ограниченности рынка труда в аграрном секторе, но и в реальных практиках, сложившихся в организациях корпоративных укладов, прежде всего в отсутствии зависимости между количеством и качеством труда и его оплатой [14].

Как показал опрос в 71 селе всех федеральных округов в 2015 году, рядовые работники сельскохозяйственных организаций получали среднемесячный доход в размере 11750 руб. на одного члена семьи [15], но повышение прибыли собственников зачастую не влияет на зарплату рядовых работников, которая, как правило, привязана к МРОТ. Столь низкие доходы и отсутствие перспектив относительно справедливой оплаты труда являются важными факторами для принятия решения вести самостоятельное хозяйство.

По данным сельскохозяйственных переписей 2006 и 2016 гг., за 10 лет существенно сократилось количество личных подсобных хозяйств. Однако сокращение их численности сопровождалось концентрацией сельскохозяйственного производства в наиболее крупных ЛПХ³, что демонстрирует рост общего поголовья скота более чем в 2,3 раза. Можно сказать, что такие развивающиеся крупные личные хозяйства по сути становятся товарными мини-фермами, хотя и отличаются моделями институционализации.

В начале 2000-х годов в России получили распространение интегрированные образования – агрохолдинги, обладающие созидательным и разрушительным потенциалом. В пользу их позитивной роли говорят более масштабные возможности распространения достижений научно-технического прогресса в агропродовольственной системе. При этом агрохолдинги, используя несовершенное законодательство о земле, завладели лучшими землями в земледельческих регионах (южные регионы, Поволжье, Урал, Западная Сибирь). В 2016 году 62,3% хозяйств традиционных укладов (ООО, СПК, фермеры) вообще не имели земли в собственности, тогда как агрохолдингам и персонам-землевладельцам принадлежало 2,4 млн га

³ Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года: в 8 т. / Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2018. Т. 1. Кн. 1. С. 276–314; Т. 1. Кн. 2. С. 16–23.

(13,6%) сельхозугодий, на их долю приходилось 25% совокупной выручки. Агрохолдинги, оттеснив хозяйства традиционных укладов, сконцентрировали 68% всего производства зерна, 51% мяса крупного рогатого скота, 60% мяса свиней, 64,3% мяса птицы [16].

Однако, здесь мы согласимся с коллегами, структурные изменения в аграрном секторе, которые обеспечили рост производства, имели целый ряд негативных последствий: снижение сельскохозяйственной занятости, ускоренное сокращение численности сельского населения; ухудшение условий конкуренции для сельхозпроизводителей, не вошедших в состав агрохолдингов, и др. [17].

Успешные семейные хозяйства, по сути являясь мини-фермерами, могли бы составить социальную базу слоя сельских предпринимателей, фермеров. И, хотя процесс перехода в группу фермеров идет довольно неспешно, не учитывать эти тенденции нельзя [18, с. 15]. В этом контексте мы рассматриваем успешные семейные хозяйства, имеющие опыт товарного производства и эффективной реализации продукции, как небольшой, но реальный ресурс воспроизводства существующих укладов и экономических практик в аграрном секторе.

Материальное благополучие как смысл жизни акторов автономного хозяйствования

Жизненный мир сельчан начинается с условий, в которых они живут и работают, и он отражает процессы и результаты взаимодействий в социальной общности, месте их обитания. Смысл связан с желанием субъектов постичь мир, опираясь на жизнепрактические установки и ориентации [19]. Понимая под смыслом жизни совокупность целей-принципов, образующих стратегическое ядро установок и олицетворяющих стрезень сознания и поведения людей [20, с. 19], мы не ограничивали методику изучения феномена смыслов жизнедеятельности выявлением субъективных оценок респондентов, но включали в анализ и объективные предпосылки, поэтому оценка предметной среды хозяйственной деятельности одновременно служит индикатором смысла и результата активной жизнедеятельности.

Индикаторами смыслов и результатов обеспечения хорошего материального уровня являются накопленный производственный потенциал, приобретение предметов домашнего

обихода, культтоваров, автомобилей, вклады в банках и т. п. Оценивая свои материальные возможности, опрошенные посчитали, что за счет автономного хозяйствования им доступны постройка дома (29,2%), приобретение автомобиля (27,5%), трактора и грузового автомобиля (13,8 и 10%), они могут отложить сумму за год в пределах 100–150 тыс. рублей (38,5%). Повидимому, такие довольно оптимистические оценки своего благополучия вытекают из практик опрошенных. На разные события, предполагающие финансовые затраты (свадьбы, проводы в армию, юбилеи, приобретение жилья детям), половина респондентов использовала деньги, полученные только от семейного хозяйствования, что составило от 50 до 80% от общей стоимости мероприятия. Кредитами банков пользуются 60,8% опрошенных.

Исходя из объема интегрального производственного потенциала, мы выделили пять групп респондентов: с низким, ниже среднего, средним, выше среднего и высоким производственным потенциалом. Расчет интегрального производственного потенциала производился следующим образом. Сначала на основе экспертных оценок был составлен список видов угодий, земли, вкладов в банках, техники, животных, которые обеспечивают переход хозяйств в статус успешных; определено количество равноценных по доходу от них видов. Например, 3 коровы равняются 70 кроликам или 5 свиньям. Имея один вид животных, но не меньше этой величины, актор попадает в группу успешных при условии, что отвечал следующему критерию: иметь 43 вида ресурсов подворья, необходимых для успешного хозяйствования (5 видов хоз. построек, 15 видов механических, электрических агрегатов, 9 видов продаж выращенных агропродуктов). Исходя из ответов на вопросы в анкете респондент попадал в ту или иную группу через процедуру присвоения ему баллов. Взаимосвязь между показателями в номинальной шкале проверена на основе критериев χ^2 (коэффициент Пирсона указал силу связи между ними на уровне значимости 0,05).

Индикатор успешности в инструментарии предполагал ответы респондентов относительно использования ресурсов местных крупных сельхозпроизводителей, товарности, факта владения техникой и другими предметами

производства, наличия хозяйственных построек и т. д. Предлагаемый список включал в себя 43 позиции. Основываясь на экспертных оценках, в группу «успешных» вошло 131 хозяйство из 364 обследованных.

Возможность накопления денежных средств является важным фактором достижения успеха и перспектив дальнейшего развития. Откладывали сбережения 41,4% опрошенных, сумма варьировалась от 10 000 до 300 000 рублей, половина сельских семей откладывали до 60 000 рублей в год.

Эти средства шли на увеличение производственного потенциала хозяйства и предметы домашнего благоустройства: мобильный телефон (48,3%), от пятой части до половины сельских семей купили книги и учебники (29,9%), стройматериалы (28,7%), бытовую технику (26,4%), предметы домашней обстановки (23%), культтовары (21,8%).

Важным индикатором успешности выступает динамика уровня материального положения: успешные хозяева, как правило, планируют расширение хозяйств, при этом 41,4% опрошенных указали, что за последние три года их материальное положение улучшилось, у третьей части осталось без изменений, уменьшение материального достатка ощутили 21,8% сельских семей.

Предсказуемо, что производственный потенциал ЛПХ успешных хозяйств существенно выше (табл. 1).

Таблица 1. Распределение успешных и остальных домохозяйств по значениям интегрального производственного потенциала хозяйства, %

Интегральный показатель производственного потенциала ЛПХ	Успешные	Остальные
Низкий	13,0	39,1
Ниже среднего	20,6	3,2
Средний	28,2	19,5
Выше среднего	22,9	9,5
Высокий	15,3	1,7

В обеспечении материального уровня большую роль играет взаимодействие с местными сельскохозяйственными организациями. Конечно, в пореформенное время отношения стали по сравнению с колхозной реальностью более отчужденными, точнее, реализуются по строгим нормам рыночных связей.

В настоящее время взаимосвязь автономно хозяйствующих акторов с организациями корпоративно-долевого уклада (ООО) осуществляется на уровне рыночного обмена ресурсами, либо кто-нибудь из членов семьи работает на предприятии (табл. 2).

Таблица 2. Ресурсы обеспечения материального уровня семей

Ресурсы	Участок у дома, соток	Участок за селом, соток	Плодовые деревья, шт.	Коровы, голов	Телята, голов	Овцы, козы, голов	Свиньи, голов	Поросята, голов	Кролики, голов
Группа домохозяйств	Процент домохозяйств указанной группы, имеющих соответствующий ресурс								
Все взрослые – работающие в ООО	78,6	11,9	78,0	37,7	36,5	23,9	22,0	10,7	11,3
Один взрослый – работающий в семейном хозяйстве	94,7	26,3	90,5	67,4	60,0	46,3	38,9	27,4	13,7
Два взрослых – работающих в семейном хозяйстве	82,6	19,6	82,6	58,7	56,5	39,1	26,1	21,7	8,7
С родителями-пенсионерами	89,8	14,3	83,7	51,0	49,0	44,9	30,6	14,3	16,3
Без родителей-пенсионеров	83,3	18,3	82,5	50,2	46,6	31,1	27,5	18,3	10,8
С детьми-студентами	82,1	22,4	80,6	50,7	50,7	34,3	31,3	13,4	9,0
Без детей-студентов	85,0	16,3	83,3	50,2	45,9	33,0	27,0	18,9	12,4

Данные таблицы 2 свидетельствуют о том, что домохозяйства с двумя взрослыми детьми (каждое пятое из обследованных) являются более крупными. В каждом четвертом из обследованных домохозяйств один-два члена семей заняты на местных сельхозпредприятиях, что облегчает им доступ к ресурсам, необходимым для ведения ЛПХ. Однако трудовая занятость на местных сельхозпредприятиях практически не коррелирует с успехом, поскольку в этом случае на подворье содержится меньше скота.

Фактором роста семейных хозяйств является и наличие детей-студентов, поскольку стимулирует семью на получение дополнительных доходов для поддержки детей.

Семейное хозяйство может конкурировать с занятостью в других областях по обеспечению благополучия, если налажен сбыт производимой продукции. К сожалению, большие расстояния до рыночных площадок, отсутствие личных автомобилей, плохие дороги ограничивают продажу продуктов. Тем не менее почти половина семей доставляет продукты к местам торговли. Подворья успешных хозяев, как правило, являются товарными, ориентированы на увеличение количественных показателей и на сбыт.

Социальный состав членов семьи, их образование также играют большую роль в успешности хозяйствования. Образование в данном случае коррелирует с наличием на подворье техники (тракторов и грузовых автомобилей) и животных. Именно хозяйства, где глава или члены семьи имеют высшее образование (34,4% в выборке) с большей вероятностью становятся товарными. Напомним, что именно в первые годы аграрной реформы специалисты с высшим и средним специальным образованием сделали выбор в пользу самостоятельного хозяйствования, что отвечало ценностям независимости и укорененности в сельской жизни. В группах успешных ЛПХ, имеющих потенциал выше среднего, преобладают люди с высшим и средним специальным образованием (табл. 3).

По-разному оценивают респонденты из разных групп и факторы успешной деятельности приусадебного хозяйствования (табл. 4).

Существенный разрыв обнаруживается по показателям «дружба с нужными людьми», «хорошие технические средства» и «территориальная доступность мест сбыта», что подтверждает факт ориентации успешных подворий на сбыт и товарные отношения.

Таблица 3. Распределение групп ЛПХ с разным потенциалом в зависимости от образования членов семей, %

Потенциал ЛПХ	Группы по уровню образования		
	общее, ниже среднего	среднее специальное	высшее
Высший	15,0	40,0	45,0
Выше среднего	16,7	36,7	46,7
Средний	21,6	37,8	40,5
Ниже среднего	22,2	63,0	14,8
Низший	23,5	58,8	17,6

Таблица 4. Оценка респондентами фактора успешности хозяйства по 10-балльной шкале

Фактор успешности	Успешные	Остальные
Урожайный год	4,31	3,66
Наличие помощников	3,89	3,25
Наличие автомобиля	3,82	3,26
Хорошие технические средства	3,47	2,72
Территориальная доступность мест сбыта	3,18	2,46
Дружба с нужными людьми	2,83	1,92
Соблюдение агротехнологий	2,74	2,30
Доступные кредиты	1,90	1,37
Взаимодействие с потребительскими кооперативами	1,82	1,34

Таблица 5. Дифференциация сельских семей по критерию достижения ожидаемых успехов ведения ЛПХ, % по группам

Вариант ответа на вопрос «В какой мере Ваши ожидания успехов в ЛПХ сбылись?»	Успешные	Менее успешные	Остальные
На 100% и более	4,3	5,0	8,3
На 80%	34,8	21,7	16,7
На 60–70%	34,8	15,0	33,3
Наполовину	21,7	23,3	0
Менее половины	4,3	21,7	0
Полностью не сбылись	0	13,3	41,7

Обратим внимание и на более высокий уровень социального оптимизма у успешных хозяев: они, как правило, имеют более высокий уровень удовлетворенности жизнью. Согласно результатам проведенного анализа, зафиксирована статистически значимая разница в средних оценках удовлетворенности жизнью между успешными сельскими семьями и другими группами.

Планы сельских семей относительно ЛПХ тесно коррелируют с их успешностью⁴ (табл. 5). Большинство успешных хозяев сельских подворий предпочли расширить ЛПХ (73,9%), «менее успешные» и «неуспешные» (остальные) предпочли оставить свое ЛПХ таким, как есть (48,3 и 66,7% соответственно). «Неуспешные» сельские семьи чаще других категорий планировали отказаться от ведения своего ЛПХ совсем (25% против 1,7 и 0). О сокращении чаще думали «менее успешные» сельские семьи (13,3% против 4,3 и 8,3).

Таким образом, ключевыми факторами и ресурсами успешности сельских подворий можно признать следующие: высокий уровень профессионализма и знаний в различных сферах (хозяйственная, экономическая), наличие производственного потенциала выше среднего, наличие социально-психологических установок на успех, воспитание и культивация традиционных семейных ценностей, склонность к инновациям и рисковому поведению.

Смыслы взаимодействия с социальной средой

Воспроизводство традиционной крестьянской культуры во многом обусловлено тем фактом, что по-прежнему круг общения сельчан

находится в границах соседей, родственников, руководителей сельскохозяйственных организаций, служащих сельского муниципалитета, учителей и медицинских работников. Как правило, эти же люди называются в качестве надежных помощников, когда требуется неотложная помощь. Так, на помощь родственников рассчитывают 63,4% респондентов, соседей и друзей, соответственно, 45 и 42% опрошенных.

Большую ценность на селе стали приобретать сети поддержки, в которые входят «нужные» люди: наличие родственников и друзей в органах власти, бизнеса, общественных организациях – важная составляющая успеха, и к этому акторы, хозяйствующие автономно, прилагают определенные усилия. Таких людей у них в два раза больше, чем у остальных членов сельских сообществ. Одаривание жителя села, принятое в прошедшие советские годы, за счет дефицитных ресурсов, изъятых из фондов предприятия (зачастую противозаконно), сменилось обменом предметами «по бартеру» или в денежном эквиваленте. Руководствуясь этим подходом, менее выгодный партнер стал заменяться на более выгодного, что распространяется даже на благотворительные поступки. Так, автономно хозяйствующие акторы, по сравнению с занятыми в организациях корпоративно-долевого уклада, чаще склонны к выбору альтернативы «помогаю только тем, кто раньше мне помог».

При этом самозанятые, вне зависимости от условной успешности хозяйств, демонстрируют большую включенность в социальную жизнь поселения. Более трети опрошенных свидетельствовали о своем участии в сельских активностях, органах местного самоуправления, что, на наш взгляд, является позитивной тенденцией, отражающей расширение зоны ответственно-

⁴ Данные индикаторы имеют корреляционную связь между собой при уровне значимости 0,01 (sig-0,00).

сти самостоятельных хозяйствующих субъектов от личного хозяйства до местного социума на уровне сельского поселения, муниципалитета.

Самостоятельное хозяйствование и достижение через него некоего уровня благополучия, который в сельском сообществе определяется словосочетанием «семья хорошо живет», таят в себе несколько моментов, представляющих интерес для аграрной социологии.

Как оценивать тотальную загруженность личного времени работой? Внешнему наблюдателю кажется совершенно неприемлемым образ жизни, когда у индивида не остается времени на досуг в его общественно-организованных видах: посещение учреждений культуры, спортивных зрелищ, ресторанов, отдых в санатории и т. д. Однако эта ситуация сельскими жителями не воспринимается драматично: «Устал — посиди, отдохни, никто тебя не гонит. Ты сам управляешь своим временем», — говорят респонденты.

Во-вторых, занятость в общественно-организованном производстве и на подворье — это две составные части сельского образа жизни. Животные, сад, огород прочно вошли в быт сельской семьи. Общепринятым является представление о том, что поведение человека определяется необходимостью и нуждой. Низовой слой самостоятельного хозяйствования — мелкие и средние фермеры, успешные хозяева сельских подворий, достигшие довольно высокого уровня благополучия, как правило, руководствуются этим принципом, но не всегда. Повседневная озабоченность вопросами подворья связана не только со смыслами обеспечения материального благополучия, но и с его экзистенциалистским измерением, т. е. с необъективностью своего поведения: повседневная озабоченность делами вводит членов семьи, особенно главу хозяйства, в жесткие рамки.

Даже общедоступные каналы потребления духовных благ и ценностей используются крайне неравномерно. Самооценка участия актора в культурных мероприятиях, распространенных в сельской среде, показал, что доминирует просмотр телевизионных программ (82,7% респондентов «регулярно сидели у телевизора»). Остались почти неизменными показатели внутридеревенского общения с соседями,

хождение в гости, четверть опрошенных читали художественную и специальную литературу по аграрной тематике, третья часть отдыхала, «ничего не делая». Другие способы проведения досуга, ранее распространенные в сельских территориях: художественная самодеятельность, украшение интерьера, спортивные соревнования, игра в шашки, шахматы — почти исчезли. Это отвечает общей тенденции отстраненности жителей села от культурной ситуации, создаваемой убогой сельской социокультурной инфраструктурой. Определяет ситуацию и крайне малая доля молодежи в селе. Отмеченные сдвиги в социокультурной жизни самостоятельно хозяйствующих и в целом всего сельского сообщества, будучи алогичными и противоречивыми, тоже результат жизнедеятельности в новой рыночной ситуации.

Повседневная озабоченность хозяйственными делами ограничивает пространственную мобильность. Только в зимние месяцы, как считают 38–40% респондентов, можно отлучиться от домохозяйства на срок до 7 суток, а в мае — июне, августе — октябре нельзя и на сутки. Несмотря на такую загруженность, 71% респондентов отмечают, что по влиянию на сохранение здоровья автономная занятость равнозначна корпоративно-долевой (в ООО, СПК). Отпуск по модели, принятой в формальной организации, у акторов самозанятости практически невозможен: только 6,6% отдыхали в домах отдыха, 5% в городах у родных и знакомых, 5,8% ездили за пределы села по туристической путевке.

К настоящему (пореформенному) времени многие позиции занятости, обустройства мест обитания, здоровьесбережения в основном приобрели устойчивость, но семейное хозяйство сохранило высокую смысловую ценность, оставаясь институтом страховки перед экономическими, природно-климатическими вызовами, рисками непредвиденных событий, связанных с эпидемиями и эпизоотиями [21].

Ограничения и вызовы в пространстве сельской самозанятости

Институт фермерства вошел в практики пореформенного времени неорганично, что было обусловлено как организационно-правовыми, так и ментальными предпосылками.

Пахотные земли переходили в руки крупных бизнес-структур, между тем рядовые жители получили только паи, приватизировать которые оказалось очень сложно. Более доступным оставалось подворье (ЛПХ), расширение которого на начальном этапе аграрной реформы не ограничивалось государством. Образ жизни акторов этого уклада оказался близок тем, кто лишь расширил объемы земли, техники и своей ответственности, т. е. мелким и средним фермерам.

ЛПХ сопоставимы с мелкими и средними фермерскими хозяйствами по повседневной озабоченности и не против перехода в формальный фермерский сектор.

По данным проведенного исследования, 47,3% успешных хозяйств предпочитают расширить свое ЛПХ, чему могут помешать ограничения в расширении площади земли за пределами приусадебного участка. Существует обратное движение: переход из статуса фермера на правовое положение главы семейного хозяйства (ЛПХ).

Любой актор хозяйствования в рыночной среде сталкивается с ограничениями и вызовами, удачно представленными в модели М. Портера в виде пяти угроз [22], влияющих на конкурентоспособность фирмы. С учетом специфики сельского места жизнедеятельности хозяев подворий и фермеров мы добавили еще две угрозы: неблагоприятные исходные условия и появление новых норм, согласно которым нужно изменять привычные практики сбыта продукции. Хозяева сельских подворий распределили угрозы по их значимости (от 0 до 100 баллов) следующим образом: по 30 баллов пришлось на погоду и власть, 20 баллов — на поведение покупателей (перестают покупать по непонятным причинам), 10 — на конкурентов из торговых сетей, предлагающих однотипные продукты. Остальные угрозы — власть собственников ресурсов, которые повышают цены на бензин, электроэнергию, газ и т. п., и возможность выхода на рынок конкурентов из своего села — получили по 5 баллов.

Оценки угроз у фермеров демонстрируют сходство с мнениями хозяев подворий, однако есть и отличия. Фермеры в пять раз выше оценили угрозу увеличения стоимости ресурсов, без которых не обойтись при проведении по-

левых работ (бензин, смазочные материалы, запчасти), и влияние конкурентов. Последних они предложили разделить на две подгруппы: фирмы, занимающиеся розничной торговлей (5 баллов) и оптовыми закупками (75 баллов). Смещение веса оценок на отмеченные области взаимодействия с рыночными силами, на которые фирмы повлиять не могут, связано с масштабами хозяйствования: чем больше производственные мощности, тем больше и объемы расходных материалов.

Сравнение ограничений фермеров-скотоводов и хозяев подворий, содержащих много скота, показывает почти полную схожесть их положения: те и другие находятся в руках манипуляторов-перекупщиков, власть которых никак не ограничена.

Поскольку крупные семейные и фермерские хозяйства функционируют по схожим технологиям, можно сопоставить и восприятие ими общих угроз и вызовов. Для фермеров-животноводов ограничивающую роль играет, помимо общих с полеводами вызовов, временной фактор: товарная продукция должна в короткие сроки попадать на рынки. С этой задачей легче справиться собственникам небольших хозяйств, таких как ЛПХ, предлагающим молочные и мясные продукты на полустанках, у автомагистралей или во дворах многоквартирных домов города. Когда нужно реализовать продажу десятка свиней, мясных пород скота, овец, наиболее удобный и выгодный вариант — самостоятельно доставить их на мясокомбинат в живом весе, что фермерам, как правило, недоступно. Мясокомбинаты выделяют квоты на прием скота на переработку, попадающие перекупщикам животных, которые и вывезут их из сел, скупив по навязанной низкой цене.

Индивиды, принципиально меняющие образ жизни, когда берутся за новое решающее дело, определенное время пребывают на границе освоенного и неосвоенного пространства. Занятость по технологиям фермерства осложнена тем, что ее успех зависит не только от социальных качеств акторов, претендующих на эту роль, но и от неотлаженности институциональных норм.

Достаточно привести лишь некоторые факты. Главы мелких фермерских хозяйств зачастую действуют на земле, не являющейся их

собственностью, что лишает их возможности использовать ее в качестве залога для получения банковских кредитов, осуществлять долгосрочные вложения в повышение плодородия и т. п. Люди, ориентированные на занятия семейным хозяйствованием, оказались в тупиковой ситуации из-за противоречащих друг другу нормативных актов. Например, гранты и субсидии начинающим фермерам выделяются под крестьянское фермерское хозяйство, а по регламенту Федеральной налоговой службы допускаются только зарегистрированные ИП (индивидуальные предприниматели), для которых не предусмотрена господдержка. Если начинающий фермер, не воспользовавшись господдержкой, все же станет работать и начнет строить дом на своей земле (что допускается федеральным законодательством), то ему придется уплатить штраф за нецелевое использование земли⁵. Регистрируя семейную ферму, глава хозяйства должен взять на работу определенное число односельчан, иначе он не получит нужной оценки в баллах и в чем-то проиграет.

Помимо этой абсурдной ситуации претенденту перехода в новый статус придется пойти на большие транзакционные издержки по оформлению соответствующих документов и многочисленных согласований в различных инстанциях. Все это нередко становится серьезным препятствием на пути вступления на новую социохозяйственную «территорию», что сдерживает модернизацию аграрного сектора.

Выводы

Репрезентация социального опыта акторов самостоятельного хозяйствования в статье может послужить формированию более глубокого, комплексного взгляда на распространение новаций, стратификацию в деревне и сыграть положительную роль в уточнении теоретических и методологических принципов объяснения социального развития.

Несмотря на ограничения и вызовы, в жизненном пространстве современного села сложилась форма семейного хозяйствования на уровне, превышающем ЛПХ, традиционно присущее сельским семьям. Появление группы

⁵ «Колоссальная и абсурдная проблема»: фермеров официально приравнивали к владельцам ларьков // Комсомольская правда. 2021. 27 января. URL: <https://www.kp.ru/daily/27232/4358556/> (дата обращения 15.05.2021).

успешных хозяйствующих субъектов на селе, практически не мотивированных внешними акторами в лице государства, имеет огромное социально-экономическое значение и свидетельствует о наличии серьезного потенциала крестьянской традиционности. К настоящему времени многие позиции занятости, обустройства мест обитания, здоровьесбережения в основном приобрели устойчивость, а семейное хозяйствование сохранило высокую смысловую ценность, оставаясь институтом страховки перед вызовами неопределенности.

Самостоятельное и автономное хозяйствование акторов села влечет изменение структуры их ролей: экономических (собственник, участник обмена ресурсами); профессиональных (соединение традиционно крестьянских и инновационных качеств); социальных (расширились рамки и упростился порядок доступа к выполнению социально значимых функций в сельском сообществе и муниципальном районе); сместились акценты престижа успешных жителей села.

Успешные хозяева, определяемые нами как самозанятые акторы, не спешат становиться фермерами, не считая целесообразным изменение статуса. Основная причина этого лежит в области регулирующих механизмов и барьеров, которые не стимулируют, а накладывают на фермера значительный объем обязанностей и не помогают справиться с проблемами производства и сбыта продукции.

Важнейшим фактором, ограничивающим дальнейшее развитие ЛПХ в сторону фермерского хозяйства, является отсутствие нормальной потребительской кооперации, что вынуждает «неофициальных фермеров» продавать продукцию на дорогах, железнодорожных станциях, во дворах многоквартирных домов близлежащих городов.

На автономное хозяйствование сельской семьи можно посмотреть и как на силу преодоления противоречий в самовоспроизводстве глав официальных фермерских хозяйств. Об этом свидетельствует динамика соотношения между мелкими, средними и крупными фермерскими хозяйствами: в 2006 году первых насчитывалось 47%, в 2016 году их стало 30,6%, при этом земельная площадь средних сократилась в два раза (с 18,3 до 9,3%). Еще сильнее

уменьшилась земельная площадь мелких фермеров – с 2,9 до 0,8%. Зато крупные фермерские хозяйства резко увеличились и численно, и по размеру принадлежащей им земли. В 2006 году их было 8,4%, в 2016 году – 20,5%, земельная площадь на одно хозяйство возросла с 962 до 1095 га⁶.

Можно предположить, что в более отдаленной перспективе земельные площади с высокой долей вероятности перейдут в распоряжение крупных и крупнейших фермеров. Хотя все это происходит легитимно, очевидны негативные социальные последствия – уменьшение доли сельских семей, самостоятельно реализующих свой потенциал в решении общенациональных агропродовольственных задач.

Авторы отстаивают идею о том, что «низовой» состав фермеров и фермероподобных групп, представленных успешными хозяйствами семейных подворий, является последним сословием, обладающим качествами полипрофессионала, или универсального крестьянина, поскольку подавляющая часть наемных работников в АПК в силу современных технологий превращается в «частично рабочего» индустриального производства.

В сельское хозяйство и повседневную жизнь сельчан, в том числе работающих на личном подворье, входят технические новшества, элек-

тронные инновации, возможность пользоваться интернетом и для получения услуг, и для самообразования. Приведет ли это к расширению практик автономного функционирования индивидуальных хозяйств и увеличению производства, пока говорить рано, тем более что сокращение числа сельских жителей в целом и количества сельских семей, занятых как в ЛПХ, так и в формальных организациях АПК, неизбежно [23]. Государство должно уже сейчас способствовать формированию новых, более эффективных кооперативных отношений, для того чтобы облегчить положение сельской семьи, имеющей товарное семейное подворье, возвысить ее значимость в сохранении устойчивости территорий.

На самостоятельное семейное хозяйствование стоит посмотреть с более широких позиций. Факт убыли по две малых деревни в сутки и постепенного перехода к этой перспективе средних сел очень тревожен. Соображение о том, что крестьянская мудрость не дает исчезнуть уникальному феномену – русской деревне, можно поддержать фактами жизнестойкости семей, избравших самоорганизацию занятости посредством автономной модели. Это дает надежду на сохранение и самовоспроизводство ядра деревенского мира.

Литература

1. Староверов В.И., Староверова И.В. Проблемы субъектности современной российской деревни // Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году: [коллективная монография] / Н.В. Осипов и др.; под ред. Г.В. Осипова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова, Т.К. Ростовской; отв. ред. В.К. Левашов. М.: ИТД ПЕРСПЕКТИВА, 2020. С. 137–146.
2. Blandford D. Agricultural trade liberalization, globalization and rural economies. Published as *Liberalización del comercio agrario, globalización y economías rurales. Información Comercial Española, Revista de Economía*, 2002, November – December, no. 803, pp. 23–32. Available at: https://www.researchgate.net/publication/237717907_Agricultural_Trade_Liberalization_Globalization_and_Rural_Economies (accessed: May 15, 2021).
3. Woods M., McDonagh J. Rural Europe and the world: Globalization and rural development (Editorial). *European Countryside*, 2011, January, no. 3 (3). pp 153–163. DOI: 10.2478/v10091-012-0001-z
4. Richardson T. Discourses of rurality in EU spatial policy: The European spatial development perspective. *Sociologia Ruralis*, 2000, vol. 40, no. 1, pp. 53–71.
5. Saraceno E. Recent trends in rural development and their conceptualization. *Journal of Rural Studies*, 1995, no. 10, pp. 321–330.

⁶ Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года: Т. 1 / Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2018; Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года: Т. 1 / Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2008. С. 320–323.

6. Van der Ploeg J.D., Renting H., Brunori G., Knickel K., Mannion J., Marsden T., de Roest K., Sevilla Guzmán E., Ventura F. Rural development: From practices and policies to theory. *Sociologia Ruralis*, 2000, no. 40 (4), pp. 391–408. DOI: 10.1111/1467-9523.00156
7. Lowe P. European agricultural and rural development policies for the 21st century. In: *A New Rural Agenda*. London: IPPR, 2006. Pp. 29–45.
8. Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018.
9. Шкаратан О.И., Ястребов Г.П. Выделение реальных (гомогенных) социальных групп в российском обществе: методы и результаты // Прикладная эконометрика. 2007. № 7 (3). С. 95–118.
10. Калугина З.И. Рыночная трансформация аграрного сектора России: Социологический дискурс. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2015. 342 с.
11. Тощенко Ж.Т., Великий П.П. Основные смыслы жизненного мира сельских жителей России // Мир России. 2018. Т. 27. № 1. С. 7–33. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-1-7-33
12. Староверов В.И. Раскрестьянивание: социолого-политологический анализ // Социологические исследования. 2010. № 4. С. 23–32.
13. Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В., Горина Т.И. Социологический портрет самозанятых в современной России // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 4. С. 821–836. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-821-836
14. Великий П.П., Шабанов В.Л. Особенности аграрной самозанятости. Опыт социологического исследования самостоятельного хозяйствования сельских семей // Историческая и социально-образовательная мысль. 2019. Т. 11. № 4. С. 105–121.
15. Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. 368 с.
16. Абакумов И. Захваченные перспективы. Агрохолдинги могут оставить страну без сельского населения // Агровестник. 2016. 1 ноября. URL: <https://agrovesti.net/news/indst/zakhvachennye-perspektivy-agrokholdingi-mogut-ostavit-stranu-bez-selskogo-naseleniya.html> (дата обращения 31.03.2021).
17. Узун В.Я., Шагайда Н.И. Оценка влияния институциональных и структурных изменений на развитие аграрного сектора России // Вопросы экономики. 2019. № 4. С. 39–58. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-4-39-58>
18. Ильдарханова Ч.И. Категория «успешное развитие» в контексте перехода семейных подворий в фермерское хозяйство: социально-экономические и ценностные противоречия // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2018. № 5. С. 15.
19. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира. Очерки по феноменологической социологии. М., 2002.
20. Семейное хозяйствование в жизненном пространстве современной деревни [монография] / П.П. Великий, В.Л. Шабанов и др. Саратов: Саратовский источник, 2020. 240 с.
21. Великий П.П. Повседневность российского села в начале XXI века / под ред. Ю.С. Воронова. Саратов: Саратовский источник, 2020. 307 с.
22. Porter M. “What is strategy?” *Harvard Business Review*, 1996, no. 19 (3), pp. 61–78.
23. Великий П.П., Заикин А.В. Сельские реалии в оптике оперативного социологического наблюдения // Гуманитарный научный журнал. 2021. № 1. С. 9–17.

Сведения об авторах

Петр Панфилович Великий — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт аграрных проблем РАН (410012, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Московская, д. 94; e-mail: Velik69@mail.ru)

Наталья Михайловна Великая — доктор политических наук, профессор, заместитель директора, Институт социально-политических исследований, ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1; e-mail: natalivelikaya@gmail.com), декан факультета, Российский государственный гуманитарный университет (125047, Российская Федерация, г. Москва, Миусская пл., д. 6)

Velikii P.P., Velikaya N.M.

Actors of Rural Autonomous Household: Meanings and Results

Abstract. The article examines the main areas of life of self-employed in agriculture from the position of the meanings of life, defined as the goals – principles of life activity. The self-employed include those heads of households who, having passed the initial adjustment and relying on their human potential, use the reserves of new household forms in the local environment, having partially or completely terminated their labor relations with an agricultural enterprise. They have no farm land, they do not have the status of farmers, nevertheless they live and operate according to similar technology. In terms of material wellbeing they surpass their fellow villagers, who are limited to work in an agricultural enterprise. In the context of free employment choice, these actors adhere to certain attitudes and guidelines, conforming (with varying degrees of completeness) to the norms and requirements of the institutions surrounding them. We have described the problems that arise in families whose lifestyle is determined by the objects of their household – plant and animal life. On the basis of our research we have defined the contours of the self-employment actors' creativity and the opportunity limitations of implementing the meanings of household, which is explained by the violation of conjugations in interaction with large agricultural entities, destruction of connections and relations in the production and sale of products. We have found that depending on the changes in a family life, with the transformation of such indicators as age, health, achievement of ultimate goals (for example, the completion of children's education in universities or, on the contrary, their return to the village), the head and family members constantly cross the formal and essential boundaries of the pre-established status, the scale of activity and, in general, the space mastered and not mastered by them. The study of the social experience of autonomous family household contributes to a deeper comprehensive understanding of the deployment of modernization in the village in the context of the conjunction of innovative and traditional trends.

Key words: village, farming, family household, self-employment, meanings, lifeworld, agricultural enterprises, prestige, status, socio-cultural practices, indicators of success.

Information about the Authors

Petr P. Velikii – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Leading Researcher, Institute of Agrarian Problems RAS (94, Moskovskaya Street, Saratov, 410012, Russian Federation; e-mail: Velik69@mail.ru)

Nataliya M. Velikaya – Doctor of Sciences (Politics), Professor, Deputy Director, Institute of Socio-Political Research, FCTAS RAS (6, building 1, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; natalivelikaya@gmail.com), Dean of Faculty, Russian State University for the Humanities (6, Miuskaya Square, Moscow, 125047, Russian Federation)

Статья поступила 31.05.2021.